

Mrázek, Roman

**Наблюдения над синтаксическим оформлением семантики
чувственного восприятия в русском и чешском языках**

In: *Slovanské studie : sborník na počest 35. výročí osvobození
Československa Sovětskou armádou a pětatřicetiletí rusistiky na
filozofické fakultě brněnské univerzity*. Vyd. 1. V Brně: Univerzita J.E.
Purkyně, 1979, pp. 171-190

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/121466>

Access Date: 26. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РОМАН МРАЗЕК

НАБЛЮДЕНИЯ НАД СИНТАКСИЧЕСКИМ
ОФОРМЛЕНИЕМ СЕМАНТИКИ ЧУВСТВЕННОГО
ВОСПРИЯТИЯ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

1. Предлагаемая тема входит в область семантики предложения, ставшей столь актуальной в последнее время. Оказывается, что для сравнительных и сопоставительных целей выгодно исходить из идентичности содержания, а лишь затем проследживать, как оно оформляется на уровне значений в плане выражения. Семантика чувственного восприятия при межславянском сравнительном исследовании выявляет целый ряд важных синтаксических отличий; и при сопоставлении русского и чешского языков мы сталкиваемся с несколькими типовыми, системными расхождениями. Осветить их детально — одна из задач предлагаемой статьи.

Проблематика синтаксической стилизации семантики чувственного восприятия привлекла интерес автора этих строк несколько лет назад. Им было написано сравнительное исследование, освещающее ситуацию во всех современных славянских языках, с исторической перспективой (ср. *Slavia* 45, 1976, 1—22). Известно, что между рус. и чеш. языками в числе системных различий на первом месте стоит неодинаковое функционирование инфинитивных конструкций, с инфинитивом глаголов восприятия (ср. чеш. *Do rána bylo slyšet jejich zřev*). В предлагаемой статье хотелось бы остановиться вообще на имеющихся билатеральных различиях наших двух языков. Мы ограничиваемся преимущественно такими предложениями, в которых значение апперцепции передается предикатом той или другой конструкции. Таким образом, вне поля зрения остаются случаи вроде рус. *Все это осталось, к счастью, без заметных (видимых, осязаемых) следов*.

1.1. Наиболее общее отличие обеих языковых систем заключается здесь в следующем: рус. язык располагает более широким репертуаром синонимичных образований, нежели чеш. язык. Вытекает это не только из устоявшихся фактов лексического порядка, но и из общей типологической природы рус. языка, в меньшей степени, чем чешский, тяготеющего к номинативному строю предложения; ср. неноминативные, т. е. не содержащие имен. падежа синтаксического имени в роли подлежащего, построения вроде: *Ивану Васильевичу вдруг слышался отдаленный гул, который все становился слышнее* (Соллогуб) — *Ivan Vasiljevič náhle zaslechl vzdálené dunění, které bylo slyšet stále*

zřetelněji; Он все время прислушивался к чему-то, что было незаметно и неслышно другим в этой комнате (Ларионова) — Pořád se zaposlouchával do něčeho, co ostatní v místnosti nevnímali a neslyšeli; Отсюда мне хорошо видно — Odsud vidím dobře. Подобные образования чужды чеш. языку.

1.2. Общеизвестно, что базой сознания, мышления и поведения человека является чувственное восприятие (*smyslové vnímání*). Органы чувств (*smyslové ústrojí*), т. е. зрение, слух, обоняние, осязание и вкус, вызывают соответственные ощущения (*počítky*), из них составляются восприятия (*vjemy*), затем — понятия, представления, мысли и другие, более высокие, формы мыслительной деятельности человека. Заметим попутно, что в русско-чешском плане имеется различие в формальном выражении органа чувств, посредством которого приобретается то или другое ощущение и восприятие. В чеш. языке представлен чаще твор. падеж (*vnímat, lišit něco zrakem, sluchem, čichem, hmatem, chuti*), с возможным параллельным употреблением наречия (*sluchově, čichově, hmatově, chuťově*), в то время как рус. язык наряду с аналогичным твор. падежом (*воспринимать, различать зрением, слухом . . .*) только в ограниченной мере прибегает к наречиям (напр., *воспринимать зрительно*), предпочитая оборот на + вин. падеж (*на вид, на слух, на обоняние, на ощупь, на вкус*).¹

2. Наиболее отчетлива и лексически многогранна десигнация зрительной апперцепции. Она (во всех славянских языках) в известной степени как бы противопоставляется десигнации ощущений и восприятий слуховых, обонятельных, осязательных, вкусовых. Сказывается это в том, что последние обслуживаются в обиходно-разговорной речи отчасти общими лексическими средствами. В связи с этим можно отметить широкий семантико-функциональный диапазон славянского глагола *чуять* (*čuti, čuť*). Показательно, далее, что русский глагол *слышать* означает не только основное понятие „*slýšet*“, но потенциально также и „*cítit*“; ср. *Ему казалось, что он и теперь слышал этот запах* (Л. Н. Толстой); *Многие, зашлышав тлетворный дух от тела его, были безмерно обрадованы* (Достоевский); *В комнате еще слышался сильный запах ладана* (Салтыков-Щедрин); *Мертвым все равно. Стужи, холода не слышат* (Твардовский); *Ему сделали операцию, которую он совершенно не слышал* (М. Чехова). Впрочем, в повседневной разговорной речи ощущения обоняния, осязания и вкуса только изредка лексически специфицируются глаголом

¹ Чеш. языку тоже известен подобный оборот, однако в несколько отличных конструкциях — данный падеж с предлогом является в них не обстоятельством орудия, средства, а обстоятельством ограничения; ср. *Na omak („на ощупь“) je to drsné; Na chuť (na pohled) to bylo velice příjemné.*

(грамматическое лицо которого равно субъекту восприятия), передаваясь большей частью общей лексемой класса чувствовать (ощущать, чують) — *cítit (pocítovat)*. Прежде всего она-то в обоих языках довольно часто встречается в метафорическом, образном употреблении, напр.: В словах полковника чувствовалась гнетущая тревога за судьбу своей дивизии — *V plukovníkových slovech bylo cítit hnětoucí jej obavu za osud vlastní divize* (пример Г. А. Золотовой); Я чуял, что ты пришел — *Cítit (tušil) jsem, že přijdeš*.

3. Данное семантическое поле оформляется преимущественно предложениями с глаголами (воспринимать, видеть, смотреть, слышать, чувствовать, чують, обонять...), далее — предложениями с предикативными прилагательными и причастиями (*виден, слышен, замечен, ощутил...*) и с предикативными наречиями (*видно, слышно, заметно*). Среди глаголов выделяется противопоставление следующего характера: а) Одни глаголы означают спонтанные процессы, при них воспринимающий субъект произвольно, поневоле „регистрирует“ те или другие эффекты зрительные, слуховые и т. д. (*видеть, слышать, обонять...*); их можно называть глаголами неинтенционального восприятия; б) другие же глаголы означают целенаправленные, произвольные действия, при них воспринимающий субъект нарочно ведет себя так, чтобы приобрести данные чувственные восприятия (*смотреть, глядеть, слушать, нюхать...*); их можно называть глаголами интенционального восприятия. Таким образом, основные лексемы являют собой следующее пропорциональное уравнение:

видеть : смотреть = слышать : слушать = обонять : нюхать.

Некоторых других глаголов это касается в менее ярком виде.² С синтаксического угла зрения особый интерес представляют именно глаголы неинтенционального восприятия — их конструкционная емкость заметно шире, чем глаголов второй группы.

4. Исследование нашей темы дает возможность наглядно документировать вопросы, связанные с т. наз. активом и пассивом (лучше сказать: с агентивностью, деагентивностью и безагентивностью) и с трансформационно-порождающим (иначе, согласно нашей терминологии: деривационным) синтаксисом. Отметим здесь лишь в общем виде основные моменты.

4.1. Элементарная стилизация предсказания апперцепции предполагает, что некоторый персонический субъект восприятия по замыслу говорящего выступает „производителем“ (= эффициентом) данного при-

² Ср. Ю. Д. Апресян, *Лексическая семантика*, 1974, 103, 118. Автор дает меткую характеристику: *видеть* = „воспринимать зрением“; *смотреть* = „направлять взгляд на что-л., чтобы увидеть“; *слышать* = „воспринимать слухом“; *слушать* = „направлять слух на что-л., чтобы услышать“; подобным образом дело обстоит с парой *обонять : нюхать*.

знака (= произвольной или произвольной апперцепции), будучи при-
том определенным, конкретизированным: *Я уже вижу эту деревню; Вы
меня хорошо слышите?* Перед нами ядерная, исходная кон-
струкция, агентивная. Такие построения во всех славянских язы-
ках встречаются вообще чаще всего.

4.1.1. Бывает, однако, нередко и так, что данное ощущение и восприя-
тие стилизуется исходя от объекта апперцепции: он-то
по воле говорящего делается производителем признака. Тогда в роли
сказуемого могут выступать, во-первых, связанные с семантикой „воспри-
нимать“ лексемы: рус. *Вдали видны (виднеются) высокие горы; Слышен
был гул моторов.* Подобные построения характерны прежде всего для
рус. языка, причем субъект восприятия в них может быть указан — при
определенных условиях — в форме дат. падежа (ср. *За забором мне ви-
ден клен*). Во-вторых, роль предиката бывает занята лексемой, обозна-
чающей самый чувственный эффект, т. е. результат, характеристику вос-
приятия. Напр. *Перед нами появились (возвышаются, белеют . . .) высо-
кие горы; Раздался (треснул, грохнул . . .) выстрел; Приятно пахнет ско-
шенная трава; Поверхность совсем гладкая (очень шереховатая, горя-
чая . . .); Пиллюли эти ужасно горькие (у этих пиллюль ужасно горький
вкус).* Относительно чаще всего представлены предложения этого типа
в сфере ощущений обоняния. С угла зрения общей синтаксической ха-
рактеристики, и здесь повсюду мы имеем дело с агентивными конст-
рукциями, ядерными — хотя случаи типа *Вдали видны // виднеются высокие
горы*, благодаря данной предикативной лексеме, как будто оказываются
семантически деагентивными.

4.2. Следующий типовой конструкционный вариант возникает тогда,
когда перед нами подлинные деагентивные конструкции, либо с возвратной глагольной формой, либо со страдательным причас-
тием, либо с активной формой глагола; ср. соответственные деривацион-
ные пары: *Я видел чудный сон → Мне виделся чудный сон; Издали я
слышу протяжную песню → Издали слышится протяжная песня; Все за-
метили его смущение → Его смущение было замечено всеми; Говорите
громче, аудитория вас не слышит → Говорите громче, вас не слышат.*
Деагентивная и одновременно модальная деривация лежит в основе
инфинитивно-связочных предложений, столь типичных для чеш. языка:
Odsud je hezky vidět и т. п. Такой же двойной деривационный шаг свой-
ствен эксплицитной стилизации типа *Музыку можно было слышать до
самого утра.*

4.3. Далее, встречаются предложения, в которых ни субъекту, ни
объекту не отводится роль истинного агенса (эффициента) предидируе-
мого признака. Подобные безагентивные (безэффицентные) кон-
струкции характерны в большей мере для рус. языка, ср. *Приятно
пахло розами; Слышно было смех и громкие восклицания.* Семантически,
да и формально, опять-таки происходит тесное соприкосновение со сфе-

рой синтаксической деагентивности, ср. соотносительную связь *Приятно пахли розы* → *Приятно пахло розами*.³

5.1. Вообще говоря, для рус. языка симптоматично большее разнообразие способов возможной передачи субъекта восприятия: он бывает или имплицитным (по этому пункту оба языка сходятся, при разности формы, ср. *Отсюда хорошо слышно* — *Odsud je dobře slyšet*, *Издали слышится песня* — *Zdálky je slyšet píseň*), или эксплицитным в форме имен. падежа (ср. *Ученики вас не слышат* — *Žáci vás neslyší*), твор. падежа (ср. *Его призыв был услышан всеми* — *Jeho výzva byla uslyšena všemi*) и дат. падежа (последний случай — специфичность рус. языка, роднящая его с некоторыми другими славянскими языками, напр. *Мне уже виделось, что . . .*, *Нам слышались какие-то странные звуки*).⁴

5.2. Что же касается форм выражения воспринимаемого объекта, то особой оговорки заслуживают русские общеотрицательные предложения. Система языка здесь тяготеет к постановке род. падежа отрицательного, между тем как современный чеш. язык, как правило, избегает его, исключая сообщения с генерализирующей, ярко подчеркнутой негацией (напр., *Neviděli jsme několik dní na obloze jediného mráčku*). Русские же построения вроде *Мы там не видели (не заметили, не почувствовали) никаких недочетов, Заметных изменений в природе не наблюдалось, Ни звука не слышалось в липовой аллее, Собак не было видно* являются совершенно естественными, немаркированными. Кстати сказать: при безлично-предикативных словах класса *видно, слышно, заметно* в отрицательных конструкциях, собственно, имеет место нейтрализация двух параллельных построений — с тем же безлично-предикативным словом *и*, наряду с ним, с кратким согласуемым прилагательным, ср. *Отсюда реки не видно* ← *Отсюда видно реку* // *Отсюда видна река*.

6.1. В этой связи заслуживает внимания следующая характерная черта. Построения с только что упомянутыми предикатами нередко содержат „фазисную“ связь *стать/становиться*, сигнализирующую наступ-

³ Эти построения парадигматически во многом сближаются с парами типа *Его убил гром* → *Его убило громом; Меня ослепил яркий свет* → *Меня ослепило ярким светом*. Нельзя, однако, сбрасывать со счета, что имя в твор. падеже бывает не истинным эффициентом, а „псевдоэффициентом“, т. е. нося информацию в смысле „запах как бы от роз“, ср. чеш. *Voní to zde po konvalínkách, jako od konvalínek*.

Таким образом, в рус. языке существует, правда, соотношение предложений типа: *Теперь он видел только ее руку* → *Теперь ему видна была только ее рука* (Панова), *Я отсюда хорошо вижу и слышу* → *Мне отсюда хорошо видно и слышно*, однако тем не менее вряд ли правомерно было бы оценивать вторые члены этих пар как подлинные деагентивные трансформы.

⁴ Синонимичность конструкций с переменной позицией производителя признака весьма наглядно освещает Г. А. Золотова, *Очерк функционального синтаксиса русского языка*, 1974, 188, 264, 273.

пление нового признака, начало ситуации апперцепции. Ср. Стало видно всю долину — *Začalo být vidět celé údolí // Před očima vypsalo celé údolí; Становились слышны отдаленные выстрелы — Začalo být slyšet výstřely // Začaly se ozývat vzdálené výstřely; Все ярче становился заметно, что . . . -- Stále zřetelněji je patrné // začíná být patrné, že . . .*

6.2. Помимо прочих различий бросается в глаза еще одно типичное структурное расхождение между обоими нашими языками. Мы имеем в виду сочетаемость /несочетаемость предикатов чувственного восприятия с инфинитивом (возникшим в результате депредикации самостоятельной пропозиции), в двухбазовых трансформмах. Чеш. язык допускает такую конфигурацию, а рус. язык — нет. Ср. чеш. *Viděl jsem ji vystupovat z tramvaje; Bylo ho slyšet hrát na housle*, с формально не тождественными русскими эквивалентами. (Это явление контрастного синтаксиса известно нашим русистам уже давно.)

7. Теперь мы остановимся подробнее на отдельных формально-семантических типах интересующих нас конструкций.

7.1.1. Наиболее обширную рубрику составляют ядерные, агентивные конструкции со сказуемым, выраженным глаголом. Глаголы интенционального зрительного восприятия, невозвратные, следующие: рус. *смотреть, посмотреть, осмотреть, пересмотреть, глядеть, глянуть, поглядеть, разглядеть, взглянуть, оглядеть, оглянуть, обозреть, озирать, наблюдать, глазеть* (разгов., вульг.) и некоторые другие; сюда же входят аналитические перифразы вроде *устремить* (вперить, вонзить) *глаза* (взгляд, взор), *обвести* (окинуть) *глазами* (взглядом); чеш. *hledět, ohlížet, prohlížet, pohlédnout, vzhlédnout, nahlédnout, pozorovat, koukat, zírat, patřit* и некоторые другие, а также сочетания типа *upřít oči (zrak) na něco, přejít očima něco*. Несколько иллюстративных примеров:

По целым часам я смотрел в свои окна (Чехов); *První generál se dívá na nohy tančících* (К. Čapek) — *Первый генерал глядит на ноги танцующих; Лукерья взглянула на меня* (Тургенев); */Лопухов/ наблюдал, как самолеты бросались в пике, как от них отрывались бомбы* (Бубенов); *Její oči přebíhají sálem* (К. Čapek) — *Глазами она обводит зал.*

Соответственные возвратные глаголы (и глагольные словосочетания) интенциональной зрительной апперцепции: рус. *вглядеться, взглянуться, приглядеться, оглядеться, оглянуться, наглядеться, заглядеться, озираться, смотреться* (в зеркало), *всмотреться, засмотреться, насмотреться, озираться, впериться* (установиться) *глазами* и некоторые другие; чеш. *dívat se, zadívat se, nadívat se, podívat se, zahledět se, ohlížet se, rozhlédnout se, zakoukat se* и некоторые другие. Иллюстративные примеры:

Я вглядываюсь попристальнее (Тургенев): *Он долго смотрелся в зеркало* (Писемский); *Ты стой, стой, красавица моя, дозвожь наглядеться.*

радость, на тебя (Нар. песня); Дикие утки выплывают на середину прудов и осторожно озираются (Тургенев).

Агентивные предложения, сообщающие о неинтенциональном (= спонтанном) зрительном чувственном восприятии, содержат такие глаголы, как-то: рус. видеть, увидеть, завидеть, заметить, подметить, приметить, за приметить,⁵ чеш. *vidět, uvidět, spatřit, zahlédnout, zpozorovat, všimnout si, povšimnout si*. Несколько примеров: /Обломов/ прятался, как школьник, лишь только завидит Ольгу (Гончаров); Мы не замечаем движения Земли; *Zároveň jsme tu viděli, jak autor se tu cítí úplně zbytečným* (К. Čapek) — Заметили мы и то, что автор чувствует себя совершенно лишним.

Стилизация неинтенциональных зрительных восприятий может исходить также от объекта апперцепции, делая его производителем (эффицентом) признака в опять-таки агентивной конструкции. Глагольные лексемы в позиции предиката бывают разнообразные. Оба наших языка здесь (как и в предыдущих двух рубриках), в основном, сходятся. Мы имеем в виду случаи вроде:

Перед нами появилась (мелькнула, блеснула, раскинулась, засинела . . .) + имен. пад. существительного жен. рода; *Еще утром, на вокзале, ему бросилась в глаза афиша с очень крупными буквами (Чехов); Наиболее уцелевшие древние вазы займут достойное место в экспозиции музея и предстанут перед взором посетителей (Из газеты); А через несколько часов показался залитый огнями многоэтажно современный Кингстон (там же); Перед глазами ее возникла опаленная солнцем степь (Шолохов); *Před námi se objevilo (vystalo, ukázalo, se zelenalo, rozprostřelo, tyčilo, kmitlo, mihlo . . .)* + имен. пад. существительного сред. рода; *Na obzoru se rýsuji (se pnou) vysoké hory; Padl mu do oka (//Mou pozornost upoutal) podivný nápis.**

Специфичность рус. языка, в отличие от чешского, составляет здесь refl. tantum глагол виднеться — *být vidět*. Предложениям с этим глаголом соответствуют в чеш. языке обычно деагентивные предложения с инфинитивным сказуемым: Бревно это виднелось как раз на том месте, где споткнулся и упал на что-то хрустнувшее Чибисов (Бондарев) — *To břevo bylo vidět právě na tom místě, kde . . .*; На горизонте виднеются горы — *Na obzoru je vidět hory // jsou vidět hory*; Справа сквозь снег за виднелось что-то черное (Л. Н. Толстой) — *Napravo začalo být vidět (se objevilo) ve sněhu cosi černého.*

7.1.2. Агентивные предложения, содержанием которых являются слуховые восприятия, могут быть вкратце охарактеризованы подобно предложениям предыдущего разряда. Из числа интенциональных глаголов невозвратных чаще всего в речи встречаются

⁵ Глаголы с основой -метить, подобно как и чеш. глаголы с основой -*všimnout si*, могут передавать не только зрительные восприятия, но и другие, ср. Это землетрясение мы почти не заметили.

слушать, далее — его приставочные образования послушать, расслушать, прослушать, переслушать, заслушать, выслушать; в чеш. языке им отвечают *poslouchat, naslouchat, vyslechnout* и некоторые другие. Небольшая документация примерами:

Я слушал этот матч по радио — *Poslouchal jsem to utkání v rozhlase*; Присутствующие заслушали доклад тов. Медведева — *Přítomní vyslechli referát s. Medvěděva*; Мы не расслушали в точности всего, что он кричал издали — *Nezasléchli jsme dobře všechno, co volal zdálky*.

Позиция предиката, занимаемая возвратным интенциональным глаголом, имеет следующий репертуар: рус. прислушаться (прислушиваться), заслушаться, наслушаться,⁶ вслушаться; чеш. *poslouchat se, zaposlouchat se, naposlouchat se* — однако нередко здесь выступает эквивалентом русской возвратной лексемы чешская невозвратная лексема. Необходимая экземплификация: Варька... прислушивается к отцовскому „бу-бу-бу“ (Чехов) — *Varka naslouchá otcovskému „bu-bu-bu“*; Все вслушиваются в его рассказ — *Všichni se zaposlouchávají do jeho vyprávění*; Таких речей я наслушался хоть отбавляй — *Takových řečí jsem se naposlouchal habaděj*.

Глаголы не интенционального слухового восприятия представлены прежде всего словом слышать, вместе с префиксальными дериватами услышать, заслушать, послушать, расслышать... подобно в чеш. языке *slyšet, uslyšet, zaslechnout, rozeznat sluchem*. Например: Меня окружили партизаны. Всем хотелось услышать о Москве (Вирта); Душа моя растворилась от любви, послушав зов весны (Белинский); Уже за чаем он расслышал тарыхтение подъехавшей к воротам пролетки (Федин).

Говорящий, однако, может стилизовать некоторое слуховое явление, делая в данной агентивной двусоставной конструкции производителем всего эффекта объект восприятия (голос, шопот, шорох, плач, смех, выстрел, грохот...). Тогда в сказуемом выступают — аналогично в обоих языках — такие слова, как-то: рус. доноситься, раздаваться, прозвучать, треснуть, грохотать, зареветь..., чеш. *ozvat se, rozlehnout se, znít, zadunět, řvát*... Ср. в предложениях: Из соседней комнаты доносилось довольное урчанье мальчика и плеск воды (пример Г. А. Золотовой); Внезапно за спиной раздался визгливо-скребущий звук лопаты (Бондарев); Над нами треснул оглушительный взрыв.

7.1.3. Значительно меньше глаголов выступает при десигнации ощущений и восприятия, получаемых посредством органов обоняния, осязания и вкуса.

Интенциональность действия посредством носа выражается глаголом нюхать (и некоторыми его префиксальными образова-

⁶ Глаголы типа наслушаться, насышаться, насмотреться, навидеться // навидаться, нанюхаться и т. п. + род. падеж имеют значение „в изобилии совершать некоторое чувственное восприятие“.

ниями) — *čichat*; в обоих языках он употребляется также и метафорически. Наиболее же характерными глаголами неинтенциональных ощущений являются рус. *обонять*, *чуять*, *чувствовать*, в разговорной речи иногда также и *слышать* (см. выше, § 2), со своими префиксальными дериватами, чеш. *čítit*, *vnímáť čichem*, нелит. *čít*. Все они, конечно, употребляются и при передаче физиологических или психических переживаний и ощущений иного еще характера. Сводные примеры:

Они придут меня нюхать и делать свои замечания (Панова); Он все это нюхом чует; Сердце ваше сжимается болезненной тоскою: оно чует горе, предвидит беду (Белинский); И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! (Тургенев); Мы тоже слышали эту неприятную вонь.

7.1.3.1. Однако меньшее количество глаголов компенсируется разнообразием типовых конструкций, обслуживающих сферу восприятий обоняния; касается это почти в равной мере обоих языков, лишь с частными отличиями поверхностной структуры соответственных предложений. Прежде всего, как и в предыдущих рубриках, эффициентом данного явления может — по замыслу говорящего — стать сам объект денотата, издающий запах; это имеет место очень часто. Предложение является, естественно, подлежащим, двусоставным. Ср. *Что-либо пахнет (приятно пахнет, благоухает, воняет, смердит) — Něco voní (příjemně voní, zavání, páchne, smrdí)*; Но ведь и полевые цветы хороши, пахнут еще лучше садовых (Тургенев). Если в предложении дается качественная характеристика запаха, то получается иногда возможность разветвленной синтаксической синонимии. Так, в чеш. языке сосуществуют рядом такие конструкции, как-то:

1° *Čítím v pokoji vůni kolínské vody.* // 2° *Pokoj je čítit kolínskou vodou.* // 3° *V pokoji je čítit kolínská voda (kolínskou vodou).* // 4° *Pokoj voní kolínskou vodou.* // 5° *V pokoji to voní kolínskou vodou.*

1° *Čítím z tebe slivovici.* // 2° *Jsi čítit slivovici.* // 3° *Je z tebe čítit slivovice (slivovici).* // 4° *Páchneš slivovici.* // 5° *Páchne (táhne) to z tebe slivovici.*

Разумеется, что здесь нас интересуют только агентивные образования, т. е. примеры 1°, 2°, 4°. О предикатах типа *je čítit...* (весьма частых в речи) говорится ниже (§ 8.4.), как и о предикатах типа *páchne (voní, táhne) to...*, которым соответствуют рус. безличные предикаты в безагентивных образованиях: *Здесь пахнет розами* (§ 9.1.).

В рус. языке, во всяком случае, возможность параллельной стилизации родственных пропозиций несколько меньше:

Вся комната пахнет одеколоном. // *В комнате пахнет одеколон.* // *В комнате пахнет одеколоном.* // *В комнате чувствуется одеколон.*

Он пахнет спиртным. // *От него пахнет спиртное (необычно).* // *От него пахнет (несет, разит — оба с вульг. налетом) спиртным.*

7.1.4. Десигнация осязательных ощущений реализуется вообще обычно только посредством агентивных конструкций, при менее яркой дифференциации интенциональной и неинтенциональной апперцепции, хотя (как мне кажется) для первой служат

скорее глаголы ряда рус. щупать (ощупывать, пробовать на ощупь, нащупывать, пощупывать), чеш. *hmatat (nahmatávat, zkoumat hmatem, ohmatat)*, а для другой — глаголы ряда рус. осязать, чувствовать, чеш. *cítit hmatem, cítit*. Напр. Врач нащупал больному пульс — *Lékař nahmatat nemocnému puls*; Я чувствовал под руками шереховатую поверхность *Cítil jsem pod rukama drsný povrch*. Если же построить высказывание, исходя от объекта денотата как эффициента и применяя глагол в предикате, то возникают построения вроде: Поверхность неприятно колола (жгла, приятно гладила) руки — *Povrch nepříjemně píchal (pálil, příjemně hladil) do rukou*.

7.1.5. Наконец, семантическое поле в к у с о в ы х о щ у щ е н и й отличается: скудностью глагольных десигнаторов (особняком стоит чеш. глагол *chutnat*), индивидуальными нетипизированными расхождениями между рус. и чеш. языками (отчасти фразеологического характера) и слабо выраженным противопоставлением интенциональной апперцепции (ср. рус. пробовать на вкус, отведывать, чеш. *ochutnávat*) и неинтенциональной апперцепции (здесь обычно прибегают к стилизации с объектом восприятия в роли эффициента, ср. чеш. *Něco je hořké, nasládlé . . . , Má to příjemnou chuť // Chutná to příjemně*). Несколько примеров, исходя на этот раз из чеш. языка:

Doma tu (jídlo) nechutná⁷ — Домашний стол ему не нравится (ему не по вкусу); To chutná znamenitě — Это очень вкусно // Это замечательно на вкус; Chutná to hořce (po víně . . .) — Это имеет горький вкус (вкус вина . . .) // Это горько на вкус; Na jazyku cítil příchut krve — На языке он ощущал привкус крови.

7.1.6. Примечание. Как уже намечено выше (§ 2.), некоторые глаголы фигурируют в довольно широком диапазоне разных восприятий, без узкой спецификации, ср. рус. чують, замечать, чувствовать, как и отвлеченный глагол воспринимать. — Наиболее частые глаголы чувственного восприятия зрительного и слухового предьявляют для нерусских нелегкую проблематику функциональной дистрибуции на оси: видеть — видать, слышать — слышать; здесь нам нельзя останавливаться на этом вопросе. — Глаголы оптического восприятия видеть, смотреть интересны при рефлексивном агентивном употреблении, ср. случаи типа: Она виделась с дядей очень редко (взаимное действие); Она всегда долго смотрится в зеркало — *Vždycky se dlouho na sebe dívá do zrcadla*; Я вижу себя в зеркале вся — *Vidím se v zrcadle celá*.

7.2. Второй разряд агентивных, двусоставных предложений — это такие построения, которые имеют своим сказуемым имя прилагательное или адъективированное страдательное причастие. Они характерны в гораздо большей степени для русского языка, нежели для чешского; ср. рус. *Вдали видны высокие горы, Слышна была*

⁷ При имплицитности подлежащего и одновременной абстракции от него мы имеем дело с безагентивным чешским предложением.

артподготовка. Объект чувственного восприятия мыслится говорящим как производитель, эффициент определенного качественного признака, семантически связанного с процессом восприятия посредством органов чувств.

В рус. языке чаще всего в текстах появляются прилагательные *виден, слышен, реже заметен*. При первых двух названных словах может выступать дательный падеж имени, означающий субъект восприятия; напр.

За забором мне *виден клен* (Я вижу за забором клен); Так поставь себя, чтобы все оно у тебя под ногами было, на виду, чтоб каждый малый гвоздик в нем *виден был тебе* (Горький); Теперь ему *видна была* только ее рука в синем рукаве с белыми горошинами (Панова); Мне *слышны отдаленные голоса* (Я слышу отдаленные голоса); Нам *слышен был гул голосов* (Н. Островский); . . . крик, который будет *слышен отцу* и *сквозь грохот содрогающего землю боя* (Медынский).

Словопорядок при эксплицитной связке бывает двояким: *был слышен // слышен был, был виден // виден был*. Наступление зрительного, слухового или иного ощущения передается с помощью фазисных полусвязок *стать, становиться*. Конструкции без дат. падежа субъекта апперцепции в нашей выборке явно преобладают. Возможны и предикаты с формой сравнительной степени: *виднее, слышнее, заметнее*. Избранные примеры:

И в туче этой стали видны очертания тяжело нагруженных „юнкеров“ (Бондарев) — *V tom mraku začalo být vidět obrisy těžce naložených junkersů // se objevily obrisy . . .*; В ясную погоду оттуда бывает *виден даже город* (Чехов); Оно (= поле) было *видно далеко, до горизонта* — *Pole bylo vidět daleko, až k obzoru*; В этот день в Москве была *слышна отдаленная канонада* (Ларионова); Становились *слышны торопливые шаги* — *Začínalo být slyšet spěšné kroky*; *Слышен был чад погаснувшей свечки* (Гоголь) — *Byl(o) cítit kouř zhasnuté svítilny*; Эти ошибки еле *заметны*; *Слышен стал шаг зимы безбрежной* (Замятин) — *Slyšitelnější se stal krok bezbřehé zimy*; Все *заметнее становилась его хромота*.

7.2.1. Русские конструкции с прилагательными, восходящими к страдательным причастиям настоящего времени (на -м), встречаются намного реже, нося притом более или менее книжный отпечаток и выражая модальную примесь потенциальности чувственного восприятия, т. е. смысл „могущий быть увиденным, услышанным . . .“. Ср.

Самолет был *хорошо видим* — *Letadlo bylo dobře viditelné*; Склоны хребта стали *видимы* *сквозь сизую мглу ночи*; *Пространства эти необозримы*; *Шорох был уже отчетливо слышим(ый)*; *Боль не ощутима*; *Ветерок был еле ощутимый*; *Результаты их усилий уже всюду осязаемы*; *Его проворные грюки пальцами просто не уловимы*.

7.2.2. Совершенно окраинную роль играют прилагательные, оканчивающиеся на -т е л ь н ы й, как-то: *осязательный, чувствительный,*

ощутительный; напр. Холод был уже ощутителен; Факты эти достаточно осязательны для того, чтобы . . .

7.2.3. Чешский язык здесь резко отличается от русского тем, что ему неизвестны буквальные эквиваленты рус. слов *виден, слышен*, поэтому этим предикатам обычно соответствуют чеш. инфинитивные предикаты со связкой (*je vidět, je slyšet, je pozorovat*). Некоторую роль, с другой стороны, играют предложения с именными предикатами, выраженными адъективами с суффиксами *-telný (viditelný, slyšitelný, hmatatelný, citelný, rozeznatelný . . .)*, почти сплошь с книжным налетом и с нарочитым подчеркиванием потенциальной модальности реализовать данное чувственное восприятие; стилистически немаркированным оказывается, пожалуй, слово *patrný*, отвечающее русскому *заметный*. Несколько примеров: *Trhlina je zřetelně viditelná, hmatatelná; Bolest začala být citelná* (не: **cititelná*, от инфинитива *citit*); *Tento úkaz byl slyšitelný (pozorovatelný, patrný) skoro dvě hodiny*.

Примечание. Параллелью отмечавшихся уже случаев агентивных предложений с объектом восприятия в позиции эффициента и с глагольным предикатом (напр., *Перед нами появились высокие горы, Издали доносятся звуки веселой песни*) являются в настоящей рубрике подобные предложения с адъективным предикатом; они сообщают о том, каким оказывается некоторый объект денотата, воспринимаемый органами чувств. Оба языка здесь, естественно, ничем структурно-синтаксическим не отличаются друг от друга. Мы имеем в виду случаи следующего рода: *Этот дом большой (высокий, седой . . .), Его голос был резкий (еле внятный, хриплый, приятный), Эта пластмасса какая-то пахучая (вонючая — вульг.), Лекарство было горькое (сладкое, приятное на вкус); Поверхность совсем гладкая (жесткая, шершавая)*. Аналогичным образом дело обстоит в чеш. языке.

8. Теперь приступим к деагентивным конструкциям. Агенса (вернее: любой производитель, эффициент) в них снят с позиции грамматического подлежащего, часто мыслится обобщенно или же отодвигается на задний план. Конструкции эти распадаются на несколько частных вариантов.

8.1. Вариант с формой действительного залога глагола обнаруживает определенные различия между нашими языками, а именно такие же, какие наличествуют и за пределами предципируемой семантики чувственной апперцепции; все построения стоят в парадигматических взаимосвязях. Речь идет о предложениях вроде рус. *Недостатков там не заметишь; В последний раз его (у)видели в Остраве; Вас всюду слышат*. В текстах их встречаемость ограничена.

8.2. Подобным образом ограничена и частотность варианта деагентивных предложений с предикатом, выраженным страдательным причастием. Чеш. язык, однако, прибегает к подобного рода построениям несколько чаще, нежели русский. Примеры: чеш. *Naposledy byl spatřen (zahlédnut, viděn) v Praze; Signál je slyšen (vnímán) zcela zřetelně*; рус. *Все не сразу отчетливо увидено было Бессоновым (Бондарев); Он не знал,*

была ли услышана его команда (там же); Впервые это явление было замечено Никольским.

8.3. Наиболее интересен третий деагентивный конструкционный вариант, предоставляющий богатую проблематику в теоретическом плане, а также и в сопоставительном русско-чешском аспекте. Предикат здесь выражен возвратной глагольной формой (значит, не возвратным глаголом, а именно возвратной формой). Нельзя не остановиться на этом варианте подробнее.

В общем оказывается, что в рус. языке данный вариант представлен гораздо чаще, чем в чеш. языке, занимая в нем центральное, вполне интегрированное системное место. Поэтому сначала коснемся положения вещей русского языка, притом почти сплошь только высказываний с глаголами неинтенционального чувственного восприятия, поскольку они-то связаны с интересующими нас следующими двумя вопросами: а) формальные способы эксплицитного указания субъекта восприятия (творительным или дательным падежом), как и имплицитность его, б) осцилляция между реальным и нереальным ощущением и апперцепцией.

8.3.1. Если воспринимающее лицо передается посредством твор. падежа, то наиболее ярко сохраняется известная трансформационная связь этого „пассива“ с соответственным „активом“, напр. *Кто-то слышит плач ребенка* → *Кем-то слышится плач ребенка*. Примеров у нас имеется немного, ср.:

Все это воспринимается нашими чувствами; Слово горькой истины, облеченное в форму искусства, услышится многими (пример П. Адамеца); Живая связь между художником и его произведением должна чувствоваться зрителем или читателем (Словарь совр. рус. лит. яз.); Оперы „Руслан“ и „Русалка“, при новом персонале, смотрелись публикой с большим интересом (А. Островский).

8.3.2. Иное дело, если субъект восприятия выражен посредством дат. падежа. Подобный формальный прием потенциально касается не всех глаголов неинтенционального чувственного восприятия, а лишь некоторых из них. Нами зафиксирован дат. падеж в поле синтаксической зависимости от следующих лексем: *видится, привиделся, слышится, слышался, чуетя, почувялся*; П. Адамец приводит даже *чувствуется, почувствовалось* (Очерк функционально-трансформационного синтаксиса совр. рус. языка I, 119), однако это, видимо, периферийные, мало употребительные случаи. В большинстве примеров перед нами сообщение о явлениях не вполне реальных, а лишь вображаемых, мнимых, о впечатлениях и иллюзиях. Укажем экзemplификацию именно таких случаев:

Какой страшный сон мне привиделся! (Гоголь); *Мне слышался вечерний гул домой бегущих табунов* (Лермонтов); *Ještě dnes slyším jeho klapot v hučení lesů a potoka* (К. Чапек) — *До сих пор мне слышится стук мельничного колеса, шелест леса и журчанье потока; Никто не стучит, это*

вам послышалось; — Что ты так на меня смотришь, лейтенант, родненький? — мягко-волнистым, как послышалось ему, шепотом спросила она (Бондарев); Гале почувствовался в этих словах скрытый укор (пример П. Адамеца); Ему уже чужалось, что вот, того гляди, все его хозяйственное „счастье“ разлетится прахом (Златовратский).⁸

Однако в единичных случаях даже при эксплицитном дативе субъекта восприятия речь может идти о совсем реальном факте; касается это прежде всего глагола *послышалось*; ср. — Барин, а барин! Петр Петрович! — слышался мне голос, слабый, медленный и сиплый, как шелест болотной осоки (Тургенев); „Кузнечик... — явственно и тихо слышалось ему (Бондарев).

8.3.3. Основной массив собранных нами примеров, однако, составляют предложения, не содержащие словесно указанного субъекта апперцепции. Предикат в форме видится лишь архаически означает реальное действие (ср. *Кой-где чуть видятся кусты — Пушкин, И на стене, где виделась картина — А. К. Толстой*),⁹ нормально же он наделен значением воображаемого, фиктивного действия: Она (= улица) возникает сразу и целиком. Насквозь пронизанная светом, видится даже не улицей, а белоколонным длинным залом под открытым небом (Из газеты). Последнее значение связано также и с предикатом *привидится*: Но прошу тебя, не верь сну: каких глупостей не привидится! (Гоголь). Из числа других неинтенциональных глаголов нами отмечены: *замечается, слышится, послышался* (обе лексемы весьма часто), *чувствуется, почувствовался, ощущается, чуется*; везде речь идет о реальном действии. Сводные примеры:

Замечается понижение ввоза; *Místo toho je najednou slyšet vzteklý ryk dvou hlasů, zdušený oropou* (К. Сапек) — Вместо этого вдруг слышится бешеный рев двух голосов, заглушенный занавесом; Опять вспыхнут пожары, будут слышаться тяжелые взрывы (Ларионова); В соседней комнате послышался голос Хаджи-Мурата (Л. Н. Толстой); В воздухе чувствуется резкий запах серы; В нем чувствовалась русская удаля и отвага /т. е. в Чкалове/ (Байдуков); Он тяжело дышал, сразу почувствовался запах винного перегара (Бондарев); Ощущается какая-то не для всех ясная, но всеми сознаваемая драма (Короленко); Чувется приближение осени.

8.3.4. Естественно, что подобную поверхностную структуру имеют также и предложения с глаголами интенционального чувствен-

⁸ Подобные предложения по смыслу близки к предложениям с глаголами *refl. tantum* типа *чудится, почудилось, мерещится, примерещилось*. Кстати сказать, даже глагол *послышаться* теперь уже переходит в класс *refl. tantum*, ибо невозвратное *послышаться* является устарелым; ввиду этого теряется тем самым и деагентивная природа всей конструкции со словом *послышаться*.

⁹ Архаически встречается и глагол *зрится*, ср. его употребление с семантикой реального чувственного восприятия: *Меж ними зрится и беглец с брегов таинственного Дона, и в черных локонах еврей* (Пушкин).

ного восприятия (субъект действия в них может выражаться посредством твор. падежа, но никогда не — посредством дат. падежа). Например:

В истории человечества наблюдается любопытный парадокс; Отсюда этот памятник лучше смотрится — *Odsud se ten pomník lépe vyjímá // Odsud je na ten pomník lepší pohled*; Картина от начала до конца смотрится с большим напряжением — *Film od začátku do konce sledujeme (je sledován) s velkým napětím*; Однако каждый день глядится он (= храм) по-разному (журн. „Огонек“) — *Avšak každý den skýtá jiný pohled // je na něho jiný pohled*; Отсюда музыка лучше прослушивается — *Odsud se hudba lépe poslouchá // Odsud je lepší poslech hudby*.

8.3.5. Русские отрицательные предложения опять-таки часто получают инконгруэнтное обличье, с род. падежом названия воспринимаемого объекта:

Да и не виделось кругом никаких знаков человеческой жизни (Словарь совр. рус. лит. языка); Кругом не слышалось почти никакого шума (Тургенев); В уютной затененной бухточке совсем не чувствуется ветра (Из журнала); Заметных изменений в природе не наблюдалось.

8.3.6. В чешском языке деагентивные конструкции с возвратной глагольной формой играют в симбиозе с другими формальными средствами лишь незначительную роль. Наиболее естественно звучат построения с интенциональными глаголами, парадигматически тесно взаимосвязанные с остальным массивом всех внешне тождественных деагентивных конструкций любой иной семантики; ср. *Hledí se (//přihlíží se) především k prospěchu*; *Dnes se bude poslouchat rozhlas po drátě*; *Včera se na hvězdárně pozoroval Jupiter*. В них примесь модальной семантики („можно наблюдать“ и т. п.) целиком отсутствует. Глаголы же неинтенциональные, в возвратной форме, привносят уже эту модальную окраску, однако их употребительность ограничена, по-видимому, лишь сообщениями о явлениях с неактуальной временной отнесенностью: *To se už vidí (slyší) málokdy*¹⁰ *Taková závada se obyčejně hněd (u)cítí (pozná, rozezná)*. Подобный поссибилитный смысл может передавать интенциональный глагол *pozoruje se* „можно наблюдать“, даже при явлениях с совершенно точной, актуальной временной отнесенностью, напр. *Dnes se všude na pracovišti pozoruje neobvyklý ruch*.

Таким образом, по-чешски не говорят: **Dnes se vidí zatmění Slunce*, **Zdálky se slyšela píseň*, **V tuto chvíli se cítí zvláštní pach*, а вместо этого наиболее естественно звучит инфинитивно-деагентивное построение, типа *Dnes je vidět zatmění Slunce* (ср. ниже, § 8.4.). Само собой разумеется, что описываемые чешские предложения не уживаются с эксплицитным указанием субъекта восприятия в форме твор. падежа (**Všemi účastníky*

¹⁰ Оборот *vidí se mi (nám...)*, устарелый и книжный, имеет значение „мне кажется, представляется“.

se pozoroval provoz metra) или в форме дат. падежа (**Všem nám se slyšely tajemné hlasy*).

3.4. Следующий, четвертый вариант деагентивных конструкций с описываемой нами семантикой — это модель предложения с присвя-зочным инфинитивом в предикате, типа чеш. *Už je vidět moře*. Перед нами весьма древняя славянская конструкция, неоднократно рассматривавшаяся специалистами.¹¹ Глубинная структура ее не только деагентивная, но одновременно и POSSIBILITY-модальная; ср. деривационные шаги, порождающие ее: *Já už vidím moře* → *Já už mohu (jsem s to) vidět moře* → *Kdokoli může ...* → *Už se může (se dá) vidět ...* → *Už je vidět ...*

8.4.1. Чеш. язык располагает данной моделью в качестве основного, весьма часто встречающегося в речи синтаксического средства. Лексическая репрезентация примерно следующая: *Je (bylo, bude, bylo by) něco vidět, slyšet, cítit, znát, poznat, rozumět, pozorovat; Je dobře (špatně) vidět, slyšet, rozumět; Bylo mu vidět jen hlavu* (дат. падеж здесь притяжательный); *Není vám rozumět; Nebylo ho slyšet; Nebude to poznat*.¹²

Наблюдается альтернатива чисто литературной бесподлежащно-аккузативной структуры (напр., *Bylo vidět tu horu, Závadu bylo hned poznat*) и подлежащно-номинативной структуры (характерной для разговорной речи и просторечия, напр., *Ta hora byla dobře vidět, Závada byla hned poznat*); последнюю я считаю — на основании веских аргументов — вообще генетически первичной применительно к праславянскому языку, однако здесь нельзя на этом частном вопросе подробнее останавливаться. В современной чеш. разговорной речи деагентивно-possibility-семантика выражается также и подлежащно-номинативными предложениями типа: *Všecko je tam k vidění; Lojza byl k nepoznání; Různost barev je k nerozeznání*. Здесь, вероятно, сказалось влияние немецкого языка.

8.4.2. Рус. литературный язык знает данный POSSIBILITY-тип лишь со значительными функционально-стилистическими ограничениями: его можно встретить только в разговорной речи и в прос-

¹¹ Из новейшей литературы предмета ср.: Р. Мразек (SPFFBU, A 11, 1963, 107—126), В. Л. Георгиева (НДВШ 1969, 2, 90—101), К. Haderka (Slavia 33, 1964, 505—533), В. Havránek (Bulletin Vys. školy rus. jazyka 12, 1968, 169—177; Čs. přednášky pro VII. mezinárodní sjezd slavistů ve Varšavě, Praha 1973, 11—12), V. Hrabě (OtSlovSynt II, Brno 1968, 351—358), V. Kiparsky (ZfslPh 28, 1960, 333—340; ibid. 33, 1967, 263—266; Baltistica 5, 1969, 141—148), K. Kostov (WSI 10, 1965, 186—187; Zfsl 19, 1974, 323—339), J. Porák (Vývoj infinitivních vět v češtině, Praha 1967), P. Trost (Miscellanea linguistica, Ostrava 1971, 147—148), Е. А. Седелник (НДВШ 1968, 3, 66—77), К. Мирчев (Славистичен сборник, София 1973, 69—72).

¹² Подробно, с исторической перспективой, изучил наш тип Я. Порак, см. указ. соч., 56—85. Ср. также: К. Svoboda, *Infinitiv v současné spisovné češtině*, 1962, 58—65.

торечии, притом обычно в отрицательной разновидности. Все это достаточно известно.¹³ Несколько примеров:

Впрочем, от нее никакого не видать беспокойства; ни ропота от нее не слышать, ни жалоб (Тургенев); Может, попользовался с кого-нибудь на тракте у Шиханова Яма, хоть и не слышать было про грабительство в округе (Леонов); Теперь совсем ясно было разглядеть Уханова (Бондарев); Мальчишку не узнать, так он выровнялся.

Другое дело, конечно, если речь идет о модальном значении абсолютной уверенности говорящего в невозможности реализовать некоторое чувственное восприятие — тогда инфинитивный оборот оказывается совершенно системным, литературным и находящимся на одном парадигматическом уровне с остальными предложениями иной денотативной семантики (напр., Мне не успеть на поезд). Мы имеем в виду случаи вроде: Вам не видать таких сражений (Лермонтов); Плохо написано, мне не разобрать.

Примечание. Вместо инфинитивно-связочного построения с качественным наречием, характеризующим степень возможности воспринимать внешний мир посредством органов чувств, в книжном стиле употребляется агентивное построение с отглагольным существительным в позиции грамматического подлежащего: чеш. *Dnes je dobře vidět, slyšet* → *Dnes je dobrá viditelnost, slyšitelnost*; *Je odsud krásný pohled*; рус. Видимость сегодня хорошая, плохая; Слышимость была исключительная; Отсюда замечательный вид.

8.5. Последний вариант деагентивных предложений представляют построения с эксплицитным десигнатором модального значения возможности/невозможности реализовать чувственное восприятие, вроде рус. Отсюда можно уже увидеть море. Их семантическая природа такая же, что и только что описанных инфинитивно-связочных построений. Различия обоих языков состоят здесь в следующем:

а) Рус. язык прибегает к этому типу несколько чаще, чем чеш. язык, где излюбленным эквивалентом оказываются предикаты с нулем словесного модализатора. Ср. *Pro film existuje jen to, co je vidět nebo slyšet* (К. Чапек) — Для кино существует лишь то, что можно видеть или слышать; *Novořili potichoučku, šeptem, takže jim nebylo nic rozuměti* (Jirásek) — Говорили шепотом, так, что их нельзя было расслышать; С нашей крыши можно было видеть всю небольшую равнину (Короленко) — *Z naší střechy bylo vidět celou nevelkou rovínu*.

б) Для рус. языка характерна перифраза только с двумя предикативными наречиями (Можно / Нельзя видеть, слышать, заметить, чувствовать .. что-либо), между тем как чеш. язык располагает более широким репертуаром возможных альтернатив: помимо аналогичных слов *lze, nelze, možno* (изредка, сугубо книжно еще и *netožno*) обычны еще

¹³ Ср., например, Э. М. Тулапина, *Инфинитивные предложения с было, будет*, Русская речь 1969, 1, 62—68.

возвратные деагентивные формы *může se, nemůže se + vidět, spatřit, slyšet, vycítit, rozeznat, poznat . . .*, а также безличная глагольная форма *dá se + poznat, rozeznat, vycítit*.¹⁴

9. Обзор всех типов конструкций с семантикой чувственного восприятия мы заканчиваем замечанием о безагентивных типах. Они являются ими благодаря тому, что их предикат выражен безличным де-сигнатором — глаголом или предикативным наречием.

9.1. Вариант с безлично функционирующим глаголом примечателен гораздо больше для рус. языка; актантом глагола, как правило, бывает имя в форме твор. падежа. Глаголы эти, в основном, следующие: *пахнет, воняет, смердит, несет, тянет, отдает, разит, прет, бьет, веет*.¹⁵

Примеры: *Отовсюду пахло свежим дромом, лесом, травой, сиренью (Тургенев); Тянуло свежим и крепким запахом хвои и прелого листа (Фадеев); Кладбищем вдруг повеяло, ну, значит, приближаемся к усадьбе (Некрасов); От него отдает бензином (несет, разит бензином) — Je cítit benzínem; Отсюда несло горьким запахом гниения (Коробицин); несколько особняком стоит переходный глагол обдать (напр., Меня обдало приятным запахом).*

В чеш. языке аналогичные, поверхностно безличные образования носят явно книжный, поэтический характер, встречаясь притом нечасто, да и самих глаголов меньше. Ср. *Vonělo tam náručemi květů; V jizbě páchlo myšinou; Odevšak čišelo syrovinou*. В обиходно-разговорной речи добавляется подлежащее местоимение *to (Vonělo, páchlo, čišelo to tam + твор. падеж)* или применяется агентивная конструкция, в которой названный твор. падеж превращается в имен. падеж, называющий эффициента данного действия (*Voněly tam náruče květů, V jizbě páchla myšina* и т. п.). Впрочем, о двух, трех или более возможностях параллельной стилизации сообщений о чувственных восприятиях обоняния говорилось уже выше, § 7.1.3.1.

9.2. Вариант с предикативным наречием представлен почти только в рус. языке. В него входят построения с тремя лексемами: *видно (виднее), слышно (слышнее), заметно (заметнее)*.¹⁶ При первых двух из них воспринимающее лицо может указываться в форме дат. падежа. Примеры:

¹⁴ Однако вряд ли уже: **Něco se dá vidět, slyšet* в том же модальном оттенке возможности/невозможности, поскольку значение подобных высказываний примерно следующее: „что-нибудь неплохо, стоит посмотреть, послушать это“.

¹⁵ Их стилистическая ценность, конечно, не одинакова. Ср. А. Н. Гвоздев, *Очерки по стилистике рус. языка*, 1955, 304; Е. М. Галкина-Федорук, *Безличные предложения в совр. рус. языке*, 1953, 148—149; Р. Мразек, *K jednočlenným větám slovesným*, сб. *Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české I*, 1956, 32—33.

¹⁶ В стороне мы оставляем такие единичные случаи, как-то: *Было прохладно и благоуханно*, с безличным употреблением слова *благоуханно*.

Видно было, что // как...; Далеко видно кругом (Тургенев); Мне танков не видно, младший сержант! (Бондарев); Им будет виднее, чем нам (Чехов); И не стало их видно (Тургенев) — *A už je nebylo vidět // A už přestaly být vidět // A už zmizely*; Слышно было, что // как...; Говорите громче, вас не слышно!; Нам хорошо слышно;¹⁷ Сядьте вон на кадушечку, поближе, а то вам меня не слышно будет (Тургенев); Пустую бочку слышнее, чем полную; Не слышно было ни человеческих голосов, ни шагов в коридоре (Бондарев); Заметно было, что...; Во дворе не было заметно движения.

В чеш. языке встречается иногда безличное слово *vidno*, однако только в роли вводного выражения, напр. *To všechno, jak vidno, se bude bouřit*. Впрочем, и рус. язык знает аналогичное употребление слова *видно*, но сверх того еще и *слышно* (ср. *Живется ему, как слышно, неплохо*).

* * *

10. На этом заканчиваются наши наблюдения над заданным широким семантическим полем и формальными лексико-синтаксическими приемами его передачи. Основные, наиболее важные различия между обоими исследуемыми языками, разумеется, были нашим русистам (и богемистам в СССР) известны еще раньше, до выхода в свет настоящей статьи, однако нам важно было осветить эти факты детальнее, глубже и одновременно дать их новую теоретическую трактовку. Мелких различий здесь имеется немало, они вместе с несколькими фундаментальными, центральными различиями в той или иной степени аналогично касаются вообще всех современных славянских языков. Стержневым различительным признаком по всей славянской территории оказывается прежде всего функциональная дистрибуция (да и самое наличие) трех структурных типов: инфинитивно-связочного (примечательного для западнославянских языков), возвратно-деагентивного (*слышится, чувствуется...* — он свойствен в наивысшей мере южнославянским языкам) и типа со связочно-именным предикатом, личным и безличным (*виден, слышен...*, *видно, слышно...*).

¹⁷ Можно сказать: *Мне отсюда виднее*, однако не **Мне отсюда слышнее* (надо: *Мне отсюда лучше слышно*).

VÝZKUM SYNTAKTICKÉHO ZTVÁRNĚNÍ SÉMANTIKY SMYSLOVÉHO VNÍMÁNÍ V RUŠTINĚ A ČEŠTINĚ

Mezi oběma jazyky jsou zde dosti četné, i hlubší systémové rozdíly, které mají své rozmanité obdoby též v celoslovanském srovnávacím měřítku. Věci již známé se ve stati prohlubují, řeší se podle potřeby i minuciózně, nově je činěn pokus interpretovat příslušné konstrukce z hlediska soudobé syntaktické metodologie. Studie je pojata konfrontačně a kontrastně.

Jazykové designátory smyslových počitků a vjemů jsou především slovesa (u nich se projevuje a všude respektuje protiklad intencionálního vs. neintencionálního vnímání, sr. *dívat se vs. vidět*), dále adjektiva a predikativní adverbia (§ 2, 3). Výklady se obecně dotýkají možného syntaktického ztvárnění dané sémantiky: konstrukcemi agentními, deagentními a bezagentními (§ 4), charakterizují pak v souvislosti s tím formální způsoby vyjádření vnímajícího subjektu a vnímaného objektu (§ 5) a upozorňují na některé další, obecněji platné jevy.

Ve vlastní, materiálově popisné části práce se věnuje zevrubná pozornost nejprve jádrovým konstrukcím agentním se sloves. predikátem; postupně podle jednotlivých smyslových orgánů (§§ 7.1.2.—7.1.5.), s přihlédnutím k syntaktické synonymii (zvl. u vjemů čichových). Poté se rozebírají věty s predikátem adjektivním (sensu largiore, např. *За забором мне виден клен, Letadlo je dobře viditelné*, § 7.2). Konfrontační popis derivovaných konstrukcí deagentních (§ 8) má svým těžištěm ty z nich, jejichž predikátem je reflexivní slovesná forma (např. *Мне до сих пор слышится его милый, мягкий голос*, § 8.3), a také infinitivní konstrukce jednočlenné, typické pro češtinu (např. *Už je vidět moře*, § 8.4), závěrem je tu pak zmínka o větách s explicitním designátorem modálního významu možnosti/nemožnosti realizovat smyslové vnímání (např. *Odsud už se může zahlédnout moře*, § 8.5). Materiálová analýza je uzavřena popisem konstrukcí bezagentních, vlastních především ruštině (např. *Приятно пахнет скошенной травой*). Závěrečný pasus zcela stručně zasazuje situaci v ruštině a češtině do širšího mezislovanského kontextu (§ 10).

Autor: prof. PhDr. Roman Mrázek, profesor katedry ruského jazyka na filozofické fakultě UJEP, Arna Nováka 1, Brno.